

Н.А. Тулякова

СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ И ЛЕГЕНДА В ТВОРЧЕСТВЕ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЖАНРОВ

Статья подготовлена в ходе проведения исследования (17-01-0012) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2017 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Сопоставляются святочный рассказ и легенда в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка. Цель исследования – определить ядерные признаки двух малых прозаических жанров и характер отношений между ними. Несмотря на то что оба жанра восходят к фольклорной несказочной прозе и обращаются к онтологическим вопросам, хронотоп, композиция, повествовательная система, сюжет данных жанров значительно отличаются, что ведет к построению различных художественных моделей мира.

Ключевые слова: жанр; святочный рассказ; литературная легенда; Д.Н. Мамин-Сибиряк.

Введение

В русской литературе конца XIX в. наблюдается смещение жанровых приоритетов, когда господство романа сменяется разнообразием малых жанровых форм [1]. Среди этих форм важное место занимают святочный рассказ и легенда, сравнительный анализ которых представлен в настоящей статье. Выбор жанров обусловлен тем, что святочный рассказ и легенда имеют несколько общих черт: несказочный характер повествования, фольклорное происхождение, малый объем, обязательное наличие чуда, выраженная фабула. Метод сравнительного исследования жанров успешно применяется в лингвистике, фольклористике и литературоведении, поскольку определение конститутивных признаков жанра невозможно без учета жанровой системы в целом. Сопоставление жанров святочного рассказа и легенды позволит уточнить представление о конститутивных признаках обоих жанров и сделать вывод о характере отношений между ними.

В последние десятилетия в отечественной науке возрос интерес к жанрам несказочной прозы, связанным с религиозной стороной жизни человека, в том числе к легенде и святочному рассказу. Легенда изучается преимущественно как жанр фольклорный [2; 3. С. 16], в то время как литературная версия легенды практически не изучена. Что касается святочных рассказов, то они занимают значительное место в литературоведении. Подробно освещены вопросы фольклорных истоков литературного жанра, его генезиса, морфологии, принципов циклизации. Тем не менее вопрос об отношении жанра с рядом других малых прозаических жанров русской литературы рубежа веков, времени расцвета святочного рассказа, остается вне поля зрения исследователей.

Некоторые писатели конца XIX в. (В.Г. Короленко, Н.С. Лесков) оформляют свои тексты в обоих жанрах, в том числе в циклических формах. В данной статье в качестве материала исследования привлекаются святочные рассказы и легенды с эксплицированным жанровым идентификатором, принадлежащие Д.Н. Мамину-Сибиряку, а именно «Святочные рассказы» и «Легенды». Будут сопоставлены хронотоп, сюжет, повествовательные инстанции, композиция.

Выбранные для анализа святочные рассказы, по мнению исследователей, значительно модифицируют сложившийся канон, но несомненно учитывают читательские жанровые ожидания, в связи с чем необходимо принимать во внимание традицию. Представляется целесообразным кратко обобщить вывод исследователей о святочном рассказе. Жанр литературной легенды до сих пор не получил подробного освещения в исследовательской литературе, отчасти в связи с меньшей распространностью и менее жестким по сравнению со святочным рассказом каноном, поэтому при анализе легенд Мамина-Сибиряка диалог писателя с традицией литературной легенды будет учитываться в меньшей степени.

Сопоставление текстов с разной жанровой номинацией в творчестве Мамина-Сибиряка позволит также уточнить тезис И.А. Дергачева о том, что «при всем разнообразии содержания маминские рассказы восьмидесятых и частично девяностых имеют однородную или близкую художественную структуру» [4. С. 37].

Святочный рассказ в русской литературе конца XIX в.

Исследователями проведен фундаментальный анализ большого количества текстов, относимых к жанру святочного рассказа. Термин «святочный рассказ», введенный в культурный и литературный оборот Н.А. Полевым в 1826 г. [5. С. 5], в дальнейшем модифицировался, и явление, им обозначаемое, получило в литературе вопроса несколько наименований: святочная литература, святочное повествование, праздничная литература, календарная литература [6. С. 1], календарная словесность [5. С. 5].

В XIX в. святочный рассказ считается маргинальным жанром, но на рубеже веков выдвигается в центр литературной жизни [7]. Интерес к святочному рассказу в последней трети XIX в. имеет ряд причин – экономические (дешевизна печати), исторические (ощущение кризиса), культурологические (рост грамотности населения) [6. С. 1]. Массовая тиражированность образцов жанра позволяет говорить о том, что «во второй половине XIX столетия сложился

определенный канон святочного и близкого к нему пасхального художественного повествования» [6. С. 4], и точно описать его конститутивные признаки.

Прежде всего, к ним относится временная приуроченность действия к Рождеству и шире празднику вообще [7; 8. С. 5], которая имеет фольклорные и карнавальные истоки. В святочном рассказе обращение к сакральному времени позволяет реализовать сюжетную модель движения от хаоса к космосу, преобразования человека, выпавшего из «бытового времени». Сюжетная структура святочного рассказа повторяется, так как для нее предсказуема не только модель повествования, но и набор мотивов. «Святочное повествование есть изображение, но и преобразование обыденного, привычного, иначе говоря: *быт* в его связях с *бытием* через события Библейской истории» [6. С. 15].

Хотя святочный рассказ больше сфокусирован на времени, особенности его хронотопа реализуются и в категории пространства, разделенного на «свое» и «чужое». «В преддверии рождественского временного цикла происходит взаимное приближение, а затем столкновение двух пространств» [9. С. 8–9]. Специфическая ситуация святочного рассказа, празднование Рождества или Пасхи, часто происходит на чужой, неосвященной территории» [6. С. 5], в которую попадает центральный персонаж. Освоение этого пространства совпадает с чудесным преображением человека, которое по преимуществу и изображает святочный рассказ.

Праздничный хронотоп подготавливает читателя к мотиву рождественского чуда, которое является «одним из основных принципов сюжетно-композиционного построения рождественского текста» [9. С. 10]. Весь сюжет святочного рассказа представляет собой комбинацию узнаваемых мотивов (подробнее см.: [5]). Инвариант рассказа описывается М.А. Кучерской следующим образом: «В начале святочного рассказа герой его оказывается перед лицом катастрофы и пребывает в состоянии душевного или материального кризиса. Ситуация преображается благодаря внезапному чуду, совсем не обязательно связанному с явлениями мистического порядка. <...> В итоге герой испытывает покой и счастье...» [10. С. 14]. Реализация инварианта зависит во многом от того, как интерпретируется мотив рождественского чуда, который имеет «широкий смысловой диапазон – от трактовки “чуда” как сверхъестественного явления, вызванного вмешательством божественных сил, до сугубо бытового осмыслиения этого понятия – как обыкновенной жизненной удачи» [5. С. 204].

Необходимость воссоздать атмосферу Рождества и ситуацию рассказывания диктует «двойной характер приуроченности: время действия и время рассказывания» [10. С. 11]. В связи с этим для святочного рассказа характерна рама, которая позволяет реализовать «особое авторское задание (желание автора “вписать” текст в жанровый контекст» [8. С. 5]. Кроме того, для святочного рассказа типичны выраженная повествовательная позиция, «наличие рассказчика, то есть точки зрения, не совпадающей с авторской» [Там же].

Святочный рассказ в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка

Прежде, чем выпустить цикл «Святочные рассказы» в 1898 г., Мамин-Сибиряк опубликовал большинство из вошедших в него рассказов в периодике (1886–1897). Примечательно, что практически ни один из текстов изначально не содержал жанрового обозначения «святочный (рождественский, пасхальный) рассказ». Исключениями являются «Отец на Новый год», «Последнее искушение», а также «Нечто о бабьей притче, добром черте и потерянном душевном зеркале: Святочная сказка». Часть текстов в первоначальной редакции включала определение «рассказ» («Старая дудка», «Последний эстетик», «Бабий грех», «Огни»), «предание» («Душа не принимает»). Некоторые тексты не получили жанрового определения («Темные люди», «Последние огоньки», «Страшные дни»). Напротив, многие тексты были озаглавлены как « очерк» («В девятом часу», «Рай красный») или «эскиз» («Седьмая труба», «Душа проснулась»), что противоречит жанровому канону святочного рассказа, описанному в исследовательской литературе.

В то же время писатель не включил в цикл рассказы, которые опубликовал ранее с подзаголовком, типичным для календарной литературы: «святочный рассказ»: «Кум. Святочный рассказ» (1888), «Сочельник. Рождественский рассказ» (1896). Это может указывать на то, что само понятие «святочный рассказ» переосмысливается автором. В данной статье эти рассказы не будут анализироваться, так как демонстрируют иные механизмы смыслообразования, чем в цикле «Святочные рассказы».

Исследователи признают, что святочные рассказы Мамина-Сибиряка значительно отличаются от канона жанра. «Уже в первом святочном рассказе [Искорки] <...> можно отчетливо увидеть удачное сочетание традиций данного жанра и новаторства Мамина-Сибиряка, особенности его реалистической манеры письма» [11. С. 183]. Хотя жанровый образец маминского варианта жанра не получил подробного описания и большинство исследователей фактически отказывают святочным рассказам Мамина-Сибиряка в жанровом единстве [11. С. 201; 12. С. 92], анализ хронотопа, сюжета, повествовательных инстанций свидетельствует об обратном. Рассмотрим черты, повторяющиеся в рассказах.

Художественное время, в каноническом святочном рассказе привязанное к периоду Рождества и святочек, в святочных рассказах Мамина-Сибиряка трансформируется. Лишь в одном рассказе («Отец на Новый год») действие происходит в рождественский сезон. Время ожидания Рождества сменяется у Мамина-Сибиряка временем ожидания святого праздника Пасхи («Душа проснулась», «Рай красный»), праздника семейного (именины атамана в рассказе «Бабий грех») или какого-либо важного события (приезд внучки Маремьяны Ефимовны в рассказе «В девятом часу», дочери генерала Петлицына в «Последнем эстетике», появление поезда в «Огнях»), которое может произойти в любое время года.

Ожидание имеет два плана – реальный и символический, так как в текстах актуализируется связь меж-

ду ожидаемым событием и каким-либо библейским эпизодом (аллюзии на притчу о работниках, нанятых в девятом часу, на притчу о блудном сыне, на Откровение Иоанна Богослова). Иногда ситуация совмещает ожидание праздника и человека, без которого этот праздник не полон: так старец Паисий ожидает возрвщения келаря Агафона на Пасху («Рай красный»). В рассказе «Страшные дни» Герасим ждет, когда с его глаз снимут повязку после операции: ожидание света совпадает с ожиданием Пасхи, и свет приобретает символическое значение.

В плане художественного пространства Мамина-Сибиряк задействует закрытое пространство, в котором находится protagonист, ожидая праздника и прибытия человека извне. Хотя это противопоставленное всему миру пространство представляется идеальным [13. С. 127], центрального персонажа тяготит изоляция. Различные обстоятельства препятствуют выходу персонажа из закрытого пространства и ограничивают его общение с внешним миром. Это может быть физическая изолированность: так, скит в рассказе «Рай красный» практически не доступен для внешнего мира. Главные герои могут быть стары или больны («В девятом часу», «Бабий грех»). Герасим в «Страшных днях» слеп, с одной стороны, с другой – замнут и нетерпим, что не позволяет ему общаться с внешним миром. Праздник ощущается не только как единение с Богом, но и как возможность общения с людьми, которая и воспринимается как «рождественское» чудо.

Как и Рождество, праздник обычно носит циклический, календарный характер. Тем не менее писатель фиксирует именно последний «праздник» в цепочке, так как за ним часто следует истинное «рождественское» чудо – смерть protagonista, которая предстает не как страшная, но как благостная [9. С. 11]. Иногда предсказуемость события обусловлена наличием аналога в Библии. «Мамина-Сибиряк трансформирует этнографический материал таким образом, что из воплощенной экзотики он становится источником фактов, подтверждающих ключевые для рождественской литературы евангельские постулаты» [12. С. 92]. Таким образом, текст в цикле Мамина-Сибиряка позиционируется как рождественский, в том числе за счет связей с Новым Заветом.

В связи с повторяемостью хронотопа и предопределенностью событий святочный рассказ Мамина-Сибиряка в целом лишен конфликта и строится как столкновение точек зрения, не имеющееfabульного значения. Повествовательная структура святочных рассказов такова, что выбирается точка зрения персонажа, восприятие которого отличается от общепринятого. Эта позиция доминирует и доносится до сведения остальных персонажей, что позволяет автору достичь эффекта остранения. Тем не менее эта точка зрения соседствует с противоположными, которые не осуждаются повествователем, а имеют право на существование. Это, например, очевидно из диалога молодого рабочего и скитского старца:

« – Кому куда надо – тот туда и торопится, дедка. У всякого свои дела, и притом дешевле...

– Так... а прежде-то не было своих делов у каждого? <...> Сегодня вот на чугунке поехали, а завтра уж

и она лихой покажется. А делов-то еще больше накопится... Огнь запрягли в колесницу. Еще-то что остается? Внутренний огнь пожирает каждого – вот все и торопятся...» [14. С. 126].

Представляется, что сюжет святочного рассказа Мамина-Сибиряка организован вокруг преодоления костности восприятия, продиктованной культурными, религиозными, национальными принципами. Сочетая в одном цикле рассказы, построенные вокруг разных ценностных систем, «Мамин-Сибиряк позволяет понять канонизированное православие и старообрядчество как альтернативные формы традиционной русской духовности. В старообрядчестве больше организованности и выше уровень требований к человеку, но больше замкнутости, в православии – открытости, доброты и милосердия» [15. С. 345]. Ни одна система не совершенна и не полна в изоляции от других. Персонажи рассказов каким-то образом расширяют свое представление о мире, открывают глаза, как Герасим после операции. Иногда подобное прозрение может быть достаточно горьким: в «Старой дудке» Антон Иванович до последнего не понимает устремлений своей внучки, мечтающей о карьере в театре, и последним узнает, что она убежала из дома. Прежде уверенный, что знает все, после ее побега он находится в смятении: «Как странно устроена человеческая жизнь, господа... Да, могу сказать это по своему опыту. Рассчитываешь, стараешься, обдумываешь, хитришь, а выходит наоборот. <...> Может быть, и в самом деле из ума выжил. Не понимаю, решительно ничего не понимаю, точно как будто во сне» [14. С. 185].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все рассказы могут быть прочитаны в едином ключе, получив общий жанровый знаменатель. Морфология сюжета святочного рассказа Мамина-Сибиряка может быть представлена как ожидание важного события и его свершение. Эта схема типична и для традиционной рождественской прозы, но приобретает в цикле «Святочные рассказы» иное наполнение. Если рассматривать рассказы в таком ключе, то станет очевидно, почему в цикл были включены такие рассказы, как «В девятом часу» и «Последний эстетик», имеющие, по мнению исследователей, ярко выраженное очерковое начало. Подобное изменение жанра произведения в составе цикла подтверждает идею о том, что «в составе цикла произведения зачастую обретают иной смысл, иной статус, в том числе и в отношении поэтики» [16. С. 6]. Это, вероятно, обусловлено тем, что «жанр есть последнее целое высказывания, не являющееся частью большего целого. Жанр, становящийся элементом другого жанра, в этом своем качестве уже не является жанром» [17. С. 40].

Легенда в русской литературе конца XIX в.

Ю.Г. Фатеева справедливо отмечает, что «если святочные и пасхальные рассказы уже достаточно хорошо изучены в отечественном литературоведении, то жанр легенды, за небольшим исключением, до сих пор остается вне поля зрения исследователей» [18. С. 4]. Русская литературная легенда, представленная в конце XIX в. в творчестве Н.С. Лескова, Л.Н. Толсто-

го, В.Г. Короленко и других писателей, становится объектом анализа всего нескольких исследователей [4, 7, 18, 19].

На рубеже веков литературная легенда смещается с жанровой периферии в центр. Анализируя жанровую систему конца XIX в., И.А. Дергачев приходит к выводу о том, что легенда перестает быть маргинальным жанром. Восстанавливая контекст творчества Мамина-Сибиряка, исследователь предлагает следующее объяснение популярности легенды в конце XIX в.: легенда с ее узнаваемым претекстом и экзотическим хронотопом позволяла писателям «отвернуть» читателя от знакомой действительности и обратиться к вечным общечеловеческим вопросам: «Почти все крупные художники в восемидесятые годы обратились к притчам, сказаниям, легендам, где как бы обнажились ряды философских смыслов, стоящих за бытом, за историческими формами отношений между людьми, за фактами, которые уже привлекали поэтическое сознание представителей других цивилизаций» [4. С. 210–211].

По словам А.А. Горелова, «литературная легенда переживает эпоху расцвета за счет своего сближения с конкретными народными произведениями, за счет широкого уподобления их стилистике, за счет оглядки на типовой канон устнopoэтического жанра и его литературной модификации» [19. С. 270]. Канон фольклорного жанра, который упоминает Горелов, достаточно подробно описан в фольклористике. Отечественные фольклористы выделяют следующие конститутивные черты фольклорной легенды: несказочность; чудо, воспринимаемое как достоверное явление; локальная привязанность; особая временная отнесенность к настоящему, прошлому и будущему [20, 21].

Практически все эти признаки наследуются легендой литературной. Горелов выделяет несколько черт, характерных собственно для литературной легенды, лаконично формулируя суть жанра: «Чудесные элементы могут быть размыты, чудесное заслонено реалистическими мотивировками событий и реалистически насыщенным аксессуарно-вещественным рядом. Необыкновенное может быть заменено исключительным, а в сфере психологии – экстатическим. Но если герой необыкновенен, а в кульминации присутствует чудо, перед нами – несомненно легенда, хотя бы и реалистически трактованная» [19. С. 272]. Определяющим для жанра признаком является присутствие «чудесного» элемента, который может принимать разные формы. Фатеева, исследуя жанр легенды в творчестве реалистов и неореалистов, обнаруживает, что «при всем стилевом разнообразии и различии творческих методов жанр легенды на рубеже веков и в первые десятилетия XX века сохранил практически все свои структурно-поэтические признаки...» [18. С. 10].

Таким образом, для литературной легенды конца XIX в. характерен удаленный к периферии хронотоп, обращение к философско-онтологическим вопросам, чудесное событие в качестве кульминации.

Легенда в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка

В цикл «Легенды», как и в цикл «Святочные рассказы», вошли тексты, опубликованные ранее, однако

большинство их изначально имели определение «легенда» («Майя», «Слезы царицы», «Лебедь Хантыгая») или родственное определение «сказание» («Сказание о сибирском хане, старом Кучуме») или «сказка» («Баймаган: киргизская сказка» (в данном случае «сказка» синонимична скорее «рассказу», чем повествованию о волшебных событиях)). Таким образом, тексты легенд, по сравнению с текстами святочных рассказов, характеризуются большей жанровой однородностью и, по мнению исследователей, создавались именно как цикл [22. С. 27].

В то время как святочный рассказ организован вокруг столкновения точек зрения, легенда Мамина-Сибиряка построена на внутреннем конфликте, на борьбе темного и светлого начал в душе человека. Грехи человека также воплощаются во внешних образах – второстепенных персонажах, советчиках, которые явно осуждаются повествователем. Об этом свидетельствуют и их имена, и внешность, и прямая оценка, даваемая их действиям.

В фабульном отношении легенда также противоположна святочному рассказу. В легендах Мамина-Сибиряка изображена ситуация, отличная от ситуации ожидания в святочных рассказах, так как протагонист помещается в исключительное, экзистенциальное состояние страха, вызванного в большинстве легенд преступлением или аморальным поступком. Таковы решение Баймагана непременно жениться на Гольдзейн, согласие на убийство Узун-хана его женой Кара-Нингиль, бойня в городе Гунхой, дозволенная ханом Сарымбетом. В легенде «Лебедь Хантыгая» подобного поступка нет, но герой – певец Бай-Сугды – испытывает метафизический страх смерти. В «Сказании о сибирском хане» изображается война, которая требует от персонажей немедленного принятия решений, выбора, концентрации всех сил.

За этим сюжетным центром следует некоторый промежуток времени, за который герой преображается под влиянием первого события. Баймаган становится жадным, ленивым, сластолюбивым; Кара-Нингиль – гордой и неприступной, уверенной в собственной исключительности, но терзаемой страхом, что ее преступление будет раскрыто. Хан Сарымбет, напротив, потрясенный зрелищем резни в городе врача, щадит Майю и проникается к ней глубоким чувством, которое преображает его. Бай-Сугды странствует в поисках истины и ответа на свои вопросы.

В каждой легенде есть второе ключевое событие, которое влечет за собой мгновенное преображение центрального персонажа и осознание истины. Так, Баймаган просыпается от страшного сна, в котором убивает Хайбулу. Прежде думавший только о себе, он осознает «то великое зло, которое сидит в каждом человеке и обманывает всех» [14. С. 207]. Смерть Майи заставляет хана Сарымбета оставить дворец и поселиться на берегу озера, так как единственная ценность в жизни – любовь. Кара-Нингиль дает свободу единственному оставшемуся в живых сыну Узун-Хана и, преследуемая им, скрывается в Голодной степи. Страдая, она понимает, насколько бесмысленна была ее жизнь: «Это были последние слезы Кара-Нингиль... О, сколько ненужного зла кругом,

сколько ужасной несправедливости!» [14. С. 240]. Осознание этой истины ведет к снятию проклятия: если раньше при появлении царицы умирали цветы, то теперь цветы вырастают из ее слез. Бай-Сугды, искавший истину, узнает, что «смерть – это когда ты думаешь только об одном себе, и ее нет, когда ты думаешь о других» [Там же. С. 218]. Для персонажа эта ситуация, определяющая его дальнейшую судьбу, принципиально неповторяется и в этом смысле противопоставлена календарному и праздничному времени святочного рассказа.

Чудесное, заявленное Гореловым как обязательный элемент литературной легенды, выражено на сюжетном уровне (цветы, умирающие при появлении Кара-Нингиль, колдуны, приключения Бай-Сугды). Традиционная композиция легенды такова: порядок – нарушение порядка – экзистенциальный страх – трансформация персонажа. Кроме того, события легенды оставляют своеобразный чудесный след: на месте гибели Кара-Нингиль растут необычные цветы, народ до сих пор поет песни Бай-Сугды, никакие войны не разрушают могилы Майи и Сарымбета: «Все проходит, разрушается, исчезает, а остается одна любовь...» [Там же. С. 199]. В «Сказании о сибирском хане» этот след принимает наиболее поэтическую форму: «Жив старый хан Кучум и сейчас, он бродит по степи с невидимым войском. Где он прошел – там лежит трава, сорванная ханшею Доланьгэ. Один он остался, потому что один не изменил своей матери-степи и искал честной смерти в открытом бою с врагом. Вот почему, где будет в степи стоять кош и где будет куриться живой огонек, там будет петься и слава старому хану Кучуму, красавице-ханше Сайхан-Доланьгэ и грозным Кучумовичам!» [Там же. С. 266].

В то время как действие святочного рассказа разворачивается в своем, домашнем, хотя и изолированном от внешнего мира пространстве, художественное пространство легенды дихотомично и построено на оппозиции одинокого жилища и внешнего мира, опасного и тревожного. Так, в «Баймагане» действие происходит в степи, где виднеются несколько одиночных кошней; в «Лебеде Хантыгая» Бай-Сугды покидает обустроенный дом, чтобы странствовать по свету, сталкиваясь с различными локусами и культурами. «Слезы царицы» многократно подчеркивают разницу между жилищем, построенным человеком, и недружелюбной природой, в которой человек вынужден спасаться от преследования себе подобных. Центральный персонаж легенды вынужденно покидает ограниченное пространства и попадает в чужой мир, что заставляет его задуматься об извечных вопросах и начать поиски истины.

Кроме того, домашний христианский хронотоп, призванный в святочных рассказах помочь читателю идентифицировать себя с героем, сменяется нарочито экзотическим хронотопом, в который читатель даже мысленно не может поместить себя. Во-первых, действие отделено от читателя временными рамками – большинство легенд отнесено в далекое прошлое. Во-вторых, слишком велика географическая дистанция между европейским или европеизированным читателем и зауральскими территориями. В-третьих, Мамин-Сибиряк выбирает религию и культуру, чуждые

основной массе его читателей, и подчеркивает их «странные» черты: многоженство, неравные в возрастном отношении браки, жестокость по отношению к врагу, сильное родовое начало [23. С. 67].

В отличие от святочного рассказа Мамина-Сибиряка, где представлены разные точки зрения, в легендах все персонажи разделяют единую систему ценностей, но одни нарушают ее, а другие следуют ей. В соответствии с позицией, выбранной персонажами, они четко разделяются на protagonists и antagonists. Так, Майя, Макен, Джучи-Катэм – безусловно положительные персонажи, лишенные эгоизма и готовые на все ради счастья другого. Узун-Хан, Хайбибула, Кугэй – бессердечные, жестокие, жадные, не гнушающиеся ничем, чтобы достичь своей выгоды. Позиция повествователя предельно эксплицирована, и читатель не сомневается, кому он сочувствует. Центральный персонаж, в начале каждой легенды находящийся на распутье, постигает истину не индивидуальную, а общую для всех представителей рода, что подчеркивается ее непременной вербальной передачей от одного персонажа к другому.

Таким образом, ядерные признаки легенды Мамина-Сибиряка – экзотическое место действия, критическое время, путь центрального персонажа к истине как основа сюжета, единство точки зрения – демонстрируют принципиальные отличия от жанра святочного рассказа.

Заключение

Святочный рассказ и легенда Мамина-Сибиряка имеют ряд общих черт. Прежде всего, эти малые прозаические формы противопоставлены бытописательным жанрам, таким, как очерк, путевая заметка, эскиз. Их целью является не изображение реальной жизни, а миромоделирование. Повторение определенной фабульной ситуации во всех текстах циклов позволяет говорить о системности автора в отношении к жанру. Оба жанра – и легенда и святочный рассказ – апеллируют к онтологическим категориям. По мнению Ю.Г. Фатеевой, это свойственно малым жанрам вообще, так как они позволяют «в лаконичной и в высшей степени емкой структуре <...> исследовать нравственные проблемы философски углубленно» [24. С. 254]. Однако в легенде Мамин не «переносит акцент» [12. С. 92] на мировоззренческие проблемы, как он делает это в святочном рассказе, а открыто выводит повествование в план философского осмыслиения жизни.

Различия между жанрами более многочисленны. На сюжетном уровне святочный рассказ строится вокруг ситуации ожидания события, которое чаще всего позволяет протагонисту избавиться от одиночества. Персонажи преодолевают определенный стереотип восприятия, понимая, что изоляция – не всегда благо, и в большинстве случаев становится счастливее. В легенде персонажи не стремятся выйти из привычного им окружения, но выводятся из него силой чрезвычайных обстоятельств и потрясений. В результате происходит не единение с миром, как в святочном рассказе, а постижение важных онтологических истин. Герой становится не счастливее, но мудрее.

Хронотоп святочного рассказа Мамина-Сибиряка связан с изолированным, но одомашненным, привычным пространством дома или скита, в котором персонаж ожидает праздника, повторяющегося каждый год. В легенде действие разворачивается в экзотическом пространстве и отнесено в далекое прошлое, для которого календарная и праздничная цикличность не имеет значения: описываемое событие меняет жизнь персонажа раз и навсегда, но фиксируется в памяти потомков благодаря своему «отпечатку» на местности.

Можно сделать вывод о том, что легенда и рассказ являются независимыми друг от друга жанровыми образованиями, пришедшими в литературу различными путями и по-разному отвечающими на онтологические вопросы и выстраивающими художественную модель мира.

Что касается жанрового единства творчества Мамина-Сибиряка, о котором говорят многие исследователи, то этот вопрос нуждается в уточнении. Исследователи усматривают, например, в святочных рассказах Мамина-Сибиряка образцы других жанров,

но не приходят к единому мнению по поводу их жанровой доминанты. Так, А.В. Мельниченко делает вывод о том, что «Д.Н. Мамин-Сибиряк в 1880-е гг. вырабатывает свободную форму жанровой организации с очерковой доминантой в основе» [25. С. 32]. С.Ф. Дмитренко же настаивает на том, что в святочных рассказах доминирует новеллистическое начало [12. С. 93]. Сопоставительный анализ показывает, что и святочный рассказ, и легенда имеют другие жанровые доминанты.

Таким образом, сопоставительный анализ жанров святочного рассказа и легенды в жанровой системе Мамина-Сибиряка позволяет установить, что демаркационная линия между святочным рассказом и легендой достаточно очевидна. Кроме того, проведенный анализ поможет впоследствии определить статус такого пограничного жанрового образования, как «святочная легенда», которое встречается, например, в творчестве Г.П. Данилевского («Святочная легенда. Бес», 1882) и А.В. Амфитеатрова («Virtus Antiqua: Святочная легенда», 1898).

ЛИТЕРАТУРА

- Гречнев В.Я. Русский рассказ конца XIX–XX века (проблематика и поэтика жанра). Л. : Наука, 1979. 208 с.
- Шеваренкова Ю.М. Русская устная народная легенда в ее жанровых разновидностях : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. 190 с.
- Липатова А.П. Местные легенды: механизмы текстообразования : дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2008. 312 с.
- Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк в литературном контексте второй половины XIX века : сб. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. 221 с.
- Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб. : Языковой центр СПбГУ, 1995. 256 с.
- Третьякова О.Г. Стилевые традиции святочного и пасхального жанра в русской прозе рубежа XIX–XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 16 с.
- Калениченко О.Н. Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX – начала XX века (святочный и пасхальный рассказы, модернистская новелла). Волгоград : Перемена, 2000. 232 с.
- Зенкевич С.И. Жанр святочного рассказа в творчестве Н.С. Лескова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 23 с.
- Самсонова Н.В. Рождественский текст и его художественная антропология в русской литературе XIX – первой трети XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998. 18 с.
- Кучерская М.А. Русский святочный рассказ и проблема канона в литературе нового времени : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 21 с.
- Миночкина Л.В. «Святочные рассказы»: трансформация жанровой формы // Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения: к 160-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти писателя. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2013. С. 181–201.
- Дмитренко С.Ф. Художественное своеобразие святочных рассказов Д.Н. Мамина-Сибиряка: канон жанровой формы и возможности его преобразования // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. А.В. Подчиненов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 91–93.
- Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений : в 12 т. Петроград : Изд-во Т-ва А.Ф. Маркс, 1917. Т. 12. 548 с.
- Щенникова Л.П. Специфика святочного рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка // Пушкинские чтения – 2007 : материалы XII Международной научной конференции / под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. С. 125–129.
- Слобожанинова Л.М. Православные мотивы в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка // Литературный музей в современном мире : материалы междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Объединенный музей писателей Урала, 2011. С. 340–345.
- Бортникова А.В. Жанры малой прозы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг.: поэтика повествования : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 190 с.
- Бахтин М.М. «Слово о полку Игореве» в истории эпопеи // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Русские словари, 1997. Т. 5. С. 39–41.
- Фатеева Ю.Г. Жанр легенды в русской литературе рубежа XIX–XX веков : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 186 с.
- Горелов А.А. Н.С. Лесков и народная культура. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 294 с.
- Чистов К.В. Русская народная утопия: (Генезис и функции социал.-утоп. легенд). СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 538 с.
- Азбелев С.Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М. : Наука, 1965. С. 5–25.
- Приказчикова Е.Е. Мифологическая символика «Восточных легенд» Д.Н. Мамина-Сибиряка и ее связь с проблематикой цикла // Филологический класс. 2012. № 4 (30). С. 26–36.
- Tuliakova N., Kuznetsova E. Eastern Tales for Western Readers: A Combination of Traditions within D. Mamin-Sibiryak's Legends // Anafora. 2016. Vol. 3 (1). P. 61–74.
- Фатеева Ю.Г. Сон-прозрение Баймагана в легенде Д.Н. Мамина-Сибиряка «Баймаган» // Соотношение национального и эмоционального в литературе и фольклоре : материалы междунар. науч. конф. / науч. ред. А.М. Буланов. Волгоград : Перемена, 2004. Ч. 1. С. 254–257.
- Мельникова А.В. Жанровое своеобразие малой прозы Д.Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. // Движение времени и законы жанра : материалы XVIII Всерос. науч.-практ. конф. словесников. Екатеринбург : УГПУ, 2014. С. 28–33.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 июня 2018 г.

CHRISTMAS TALES AND LEGENDS BY D.N. MAMIN-SIBIRYAK: A COMPARATIVE ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 24–31.

DOI: DOI: 10.17223/15617793/432/3

Natalia A. Tuliakova, Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n_tuljakova@mail.ru

Keywords: genre; Christmas tale; literary legend; D.N. Mamin-Sibiryak.

The present paper endeavors to compare the genres of the Christmas tale and the literary legend in Russian literature of the fin du siècle. The aim of the research is to establish their nuclear features and ascertain the type of relations between them. The choice of the genres is accounted for by the shift of the genres from the margins to the centre of the generic system, which they experienced at the end of the 19th century, and the lack of research on their relations. The analysis is conducted on the material of two cycles by D.N. Mamin-Sibiryak –*Christmas Tales* (1898) and *Legends* (1898), which are also compared to the genre canon as described in academic literature. The features which are under consideration comprise the setting, the plot, the composition and the narrative system. Mamin-Sibiryak's Christmas tale significantly transforms the genre canon established in the literature of the period. The writer substitutes Christmastide with the time of expecting a holiday, festival or some important event, emphasizing its cyclic and recurrent nature through allusions to the Bible. The location is frequently an enclosed space which limits the freedom and communication of the protagonist. The setting determines the composition of the Christmas tale, which is built as an isolated expectation of a holiday or a guest and the protagonist's inclusion into the humankind through the holiday, perceived as a Christmas miracle and a blessing. The Christmas tale involves several points of view upon the same event. The dialogue between these perspectives forms the plot of the tale and results in a new look on the familiar events or phenomena. Mamin-Sibiryak's literary legend deploys an exotic setting, constructed upon the opposition of the domestic and the alien space. The protagonist has to leave the domestic space involuntarily, due to some extraordinary circumstances, which induces him/her to search for the answer to eternal questions. The time in the legend is not cyclic but unique, since the described events play a vital role in the lives of the characters and predetermine their choice. As a result of the trial and the quest, the protagonist realizes a universal truth, typically expressed as a denial of egoistic and individualistic values. The narrative system in the legend is consistent and is built not as a dialogue but as way of assessing the personages' correspondence to the universal set of values. It follows from the comparative analysis that the Christmas tale and the legend in Mamin-Sibiryak's genre system are two distinct and independent genres with different messages conveyed through different sets of constituent features.

REFERENCES

1. Grechnev, V.Ya. (1979) *Russkiy rasskaz kontsa XIX–XX veka (problematika i poetika zhanra)* [Russian short story of the late 19th–20th centuries (problems and poetics of the genre)]. Leningrad: Nauka.
2. Shevarenkova, Yu.M. (2002) *Russkaya ustnaya narodnaya legenda v ee zhanrovых raznovidnostyakh* [Russian oral folk legend in its genre varieties]. Philology Cand. Diss. Izhevsk.
3. Lipatova, A.P. (2008) *Mestnye legendy: mekhanizmy tekstoobrazovaniya* [Local legends: mechanisms of text formation]. Philology Cand. Diss. Ul'yanovsk.
4. Dergachev, I.A. (1992) *D.N. Mamin-Sibiryak v literaturnom kontekste vtoroy poloviny XIX veka* [D.N. Mamin-Sibiryak in the literary context of the second half of the 19th century]. Ekaterinburg: Ural State University.
5. Dushechkina, E.V. (1995) *Russkiy svyatochnyy rasskaz: stanovlenie zhanra* [Russian Christmas tale: the formation of the genre]. St. Petersburg: Language Center of St. Petersburg State University.
6. Tret'yakova, O.G. (2001) *Stilevye traditsii svyatochnogo i paskhal'nogo zhanra v russkoj proze rubezha XIX–XX vekov* [Style traditions of the Christmas and Easter genre in Russian prose of the turn of the 20th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
7. Kalenichenko, O.N. (2000) *Sud'by malykh zhanrov v russkoj literature kontsa XIX – nachala XX veka (svyatochnyy i paskhal'nyy rasskazy, modernisteskaya novella)* [The fate of small genres in Russian literature of the late 19th – early 20th centuries (Christmas and Easter tales, modernist novella)]. Volgograd: Peremena.
8. Zenkevich, S.I. (2005) *Zhanr svyatochnogo rasskaza v tvorchestve N.S. Leskova* [Genre of a Christmas tale in the works of N.S. Leskov]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
9. Samsonova, N.V. (1998) *Rozhdestvenskiy tekst i ego khudozhественная antropologiya v russkoj literature XIX – pervoy treti XX vv.* [The Christmas text and its artistic anthropology in Russian literature of the 19th – first third of the 20th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
10. Kucherskaya, M.A. (1997) *Russkiy svyatochnyy rasskaz i problema kanona v literature novogo vremeni* [Russian Chirstmas tale and the problem of the canon in the literature of modern times]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
11. Minochkina, L.V. (2013) “Svyatochnye rasskazy”: transformatsiya zhanrovoy formy [“Christmas tales”: the transformation of the genre form]. In: Zyryanov, O.V. (ed.) *Tvorcheskoe nasledie D.N. Mamina-Sibiryaka: itogi i perspektivi izucheniya: k 160-letiyu so dnya rozhdeniya i 100-letiyu so dnya smerti pisatelya* [The creative heritage of D.N. Mamin-Sibiryak: results and prospects of studying: to the 160th anniversary of the birth and the 100th anniversary of the death of the writer]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
12. Dmitrenko, S.F. (1998) [Artistic originality of Christmas tales of D.N. Mamin-Sibiryak: the canon of the genre form and the possibilities of its transformation]. *Russkaya literatura: natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti* [Russian literature: national development and regional features]. Proceedings of the international conference. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 91–93. (In Russian).
13. Mamin-Sibiryak, D.N. (1917) *Polnoe sobranie sochinenyi: v 12 t.* [Complete Works: in 12 vols]. Vol. 12. Petrograd: Izd-vo T-va A.F. Marks.
14. Shchennikova, L.P. (2007) [Specificity of the Christmas tale of D.N. Mamin-Sibiryak]. *Pushkinskie chteniya – 2007* [Pushkin readings – 2007]. Proceedings of the XII international conference. St. Petersburg: Leningrad State University. pp. 125–129. (In Russian).
15. Slobozhaninova, L.M. (2011) [Orthodox motifs in the works of D.N. Mamin-Sibiryak]. *Literaturnyy muzej v sovremennom mire* [Literary museum in the modern world]. Proceedings of the international conference. Ekaterinburg: Ob'edinenny muzej pisately Urala. pp. 340–345. (In Russian).
16. Bortnikova, A.V. (2016) *Zhanry maloy prozy D.N. Mamina-Sibiryaka 1880-kh gg.: poetika povestvovaniya* [Genres of the small prose of Mamin-Sibiryak of the 1880s: poetics of the narrative]. Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
17. Bakhtin, M.M. (1997) *Sobranie sochinenyi: v 7 t.* [Works: in 7 vols]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 39–41.
18. Fateeva, Yu.G. (2006) *Zhanr legendy v russkoj literature rubezha XIX–XX vekov* [Genre of the legend in Russian literature of the turn of the 20th century]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
19. Gorelov, A.A. (1988) *N.S. Leskov i narodnaya kul'tura* [N.S. Leskov and folk culture]. Leningrad: Nauka.
20. Chistov, K.V. (2003) *Russkaya narodnaya utopiya: (Genезис и функции соц.-утоп. легенд)* [Russian folk utopia: (Genesis and functions of social-utopian legends)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

21. Azbelev, S.N. (1965) Otnoshenie predaniya, legendy i skazki k deystvitel'nosti (s tochki zreniya razgranicheniya zhanrov) [The relation of tales, legends and fairy tales to reality (in terms of demarcation of genres)]. In: Astakhova, A.M., Putilov, B.N. & Sokolova, V.K. (eds) *Slavyanskiy fol'klor i istoricheskaya deystvitel'nost'* [Slavic folklore and historical reality]. Moscow: Nauka.
22. Prikazchikova, E.E. (2012) Mythological symbolism of D. Mamin-Sibiryak's "Eastern Legends" and its connection with problems of the series. *Filologicheskiy klass.* 4 (30). pp. 26–36. (In Russian).
23. Tuliakova, N. & Kuznetsova, E. (2016) Eastern Tales for Western Readers: A Combination of Traditions within D. Mamin-Sibiryak's Legends. *Anafora.* 3 (1). pp. 61–74.
24. Fateeva, Yu.G. (2004) [Dream-insight of Baimagan in the legend "Baimagan" by D.N. Mamin-Sibiryak]. *Sootnoshenie ratsional'nogo i emotsional'nogo v literature i fol'klore* [The correlation of the rational and the emotional in literature and folklore]. Proceedings of the international conference. Pt 1. Volgograd: Peremeny. pp. 254–257. (In Russian).
25. Mel'nikova, A.V. (2014) [Genre features of the small prose of D.N. Mamin-Sibiryak in the 1880s]. *Dvizhenie vremen i zakony zhanra* [The movement of time and the laws of the genre]. Proceedings of the XVIII all-Russian conference. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 28–33. (In Russian).

Received: 29 June 2018